

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ
ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ.

Годъ XXXIV-й.

ОКТАБРЬ.

1903 годъ.

СОДЕРЖАНІЕ:

I. Воспоминанія К. С. Веселовскаго.	5— 42	XII. Письма денабриста И. Горбачевского— князю Е. П. Оболенскому. Сообщила княгиня М. Г. Оболенская	221—239
II. Новички. (Изъ воспоминаній о Михайловскомъ артиллерійскомъ училищѣ пятидесятихъ годовъ прошлаго вѣка). Н. Фирсова (Л. Рускина).	43— 63	XIII. Записная книжка „Русской Старины“: Высочайшее повелѣніе объ удержаніи трети жалованья у вел. кн. Константина Павловича. Сообщ. А. В. Безродный. (стр. 64).— Высочайшая благодарность за основаніе въ Тулѣ дворянскаго училища. 19-го августа 1801 года (184).— Кости еврея какъ предохраненіе отъ падежа скота. 28-го февр. 1810 г. (204).— Крестья для пошениі духовенствомъ въ память 1812 г. 30-го авг. 1814 г.— Разрѣшеніе особамъ женскаго пола носить медали 1812 года. 18-го января 1816 года. (220).— Посылка флигель-адъютанта Порошина для препровожденія въ Петербургъ принца голштинскаго Георгія. 2-го янв. 1762 года. (240).	
III. Участіе Екатерины II въ семейномъ дѣлѣ графа К. Г. Разумовскаго.	65— 68	XIV. Библиографич. листокъ. (на оберткѣ)	
IV. Записки Н. Г. Залѣсова. Сообщ. Н. Н. Длусская.	69— 86		
V. Императоръ Николай I. (Историческая характеристика). П.	87—104		
VI. Дипломатическія сношенія Москвы съ Римомъ въ XV и XVI вѣкахъ.	105—130		
VII. Батуринскій переворотъ 13-го марта 1672 года. П. Матвѣева.	131—146		
VIII. Фотій и графиня А. Орлова-Чесменская. (Оконч.). А. Слезкинскаго.	147—164		
IX. Цензура въ царствованіе императора Николая I-го.	165—183		
X. Письма къ В. А. Жуковскому разныхъ лицъ. Сообщилъ И. А. Вычковъ.	185—203		
XI. Императоръ Николай I въ донесеніяхъ шведскаго посланника. Сообщ. С. Варадель.	205—219		

ПРИЛОЖЕНІЕ: Портретъ ординарнаго академика К. С. Веселовскаго.

Принимается подписка на „Русскую Старину“ изд. 1903 года.

Можно получить журналъ за истекшіе годы, смотри 4-ю стран. обертки.

Пріемъ по дѣламъ редакц. по понедѣльникамъ и четвергамъ отъ 1 ч. до 3 пополудни.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“,
Большая Подъячская, № 39.

1903.

X-я книга „Русской Старины“ вышла 1-го октября 1903 года.

что мы въ срокъ поспѣли въ Самару, а оттуда въ два дня въ Оренбургъ. Проѣзжая послѣднюю ночь, жена простудила себѣ жестоко голову, что съ прежними ея болѣзнями значительно ослабило ея здоровье.

Въ началѣ ноября вернулся и Крыжановскій, а векорѣ было получено вновь утвержденное положеніе объ управленіи киргизами, которое съ новаго года и слѣдовало ввести въ стени. Начались комитеты о томъ, какъ и когда вводить положеніе, но тутъ сразу оказалось, что оба губернатора, Веревкинъ и Балюзекъ, и не подумали подготовить народъ къ новой системѣ управленія, что объ этомъ если и знали нѣкоторые выборные изъ киргизъ, то очень смутно, между тѣмъ губернаторамъ откладывая введеніе положенія не хотѣлось, такъ какъ съ нимъ имъ назначено было отпускать гораздо большее содержаніе, чѣмъ они получали прежде. Я присутствовалъ на этихъ комитетахъ и удивлялся тѣмъ незатѣпливымъ пріемамъ, которые были утверждены по настоянію губернаторовъ для ввода положенія, точно все дѣло шло объ отдачѣ какого-нибудь пустаго приказа по войскамъ, а не о мѣрѣ, ломавшей весь строй киргизскаго управленія. Назначены были особые чиновники, которые должны были ѣхать въ степь, объявлять о новомъ положеніи киргизамъ и тотчасъ же вводить его и устанавливать мѣстныя власти взамѣнъ существовавшихъ дотолѣ въ стени султановъ-правителей; вспомнили, наконецъ, что полезно было бы перевести положеніе на киргизскій языкъ и распространить его въ степи, но несмотря на то, что киргизскій шрифтъ былъ въ типографіи штаба округа, Балюзекъ распорядился послать положеніе для печатанія въ Казань, и это тогда, когда чиновники уже готовились ѣхать въ степь. Разумѣется, положеніе опоздало и было прислано въ Оренбургъ, когда въ степи начался уже мятежь. Какъ и всегда въ грубой толпѣ киргизъ, явились свои толкователи новаго закона, по преимуществу муллы, лишившіеся съ новымъ положеніемъ доходной своей роли судей: начали рассказывать, что по новому положенію будутъ брать киргизъ въ солдаты, уничтожать магометанскую религію, отнять земли и пр. Не чужды были всему этому и султанскіе роды, терявшіе отнынѣ надежду когда-либо занять мѣсто султановъ-правителей, и во главѣ недовольныхъ явился векорѣ дѣйствительно челоуѣкъ султанской крови, бывшій воспитанникъ Неплюевского корпуса.

XXI.

Бунтъ въ стени.—Высылка отрядовъ и возведеніе новыхъ укрѣпленій.—Приготовленія къ моему поѣздкѣ въ Петербургъ.

Съ первымъ же шагомъ вновь назначенныхъ уѣздныхъ начальниковъ въ западную степь, обнаружилось, что даже ближайшіе къ ли-

ни киргизы не только не ознакомлены съ новымъ положеніемъ, но, напротивъ, оно истолковано имъ кѣмъ-то въ такомъ превратномъ видѣ, что они прямо объявили нашимъ чиновникомъ, что слушать ихъ не хотятъ и положеніе не принимаютъ.

Будь на мѣстѣ чиновниковъ люди болѣе энергическіе, они сдумали бы по крайней мѣрѣ поддержать въ степи достоинство русской власти, такъ важное въ глазахъ азіатцевъ, но, къ сожалѣнію, выборъ ихъ былъ неудаченъ: посланный въ Илецкій районъ чиновникъ сейчасъ же бѣжалъ изъ степи, бросивъ тамъ все свои вещи, а посланный изъ Уральской области войсковой старшина по своему происхожденію былъ ненавидимъ киргизами, а потому тоже долженъ былъ ретироваться изъ степи. Вслѣдъ за изгнаніемъ такихъ лицъ начали формироваться въ степи шайки, и дѣло приняло оборотъ не шуточный.

Напрасно генераль Крыжановскій и Балюзекъ писали въ степь прокламаціи, высылали для уговора киргизовъ ихъ почетныхъ соотечественниковъ. Возмутившіеся ничего не слушали и взялись за оружіе. Положеніе было весьма печально: войскъ въ краѣ было всего 3 регулярныхъ баталіона. Тѣмъ не менѣе я и Боборыкинъ настояли на немедленномъ открытіи въ степи военныхъ дѣйствій тѣми силами, которыя имѣлись подъ рукою.

Первою заботою было обезпечить Эмбенское укрѣпленіе, совершенно отрѣзанное отъ линіи. Туда тотчасъ же, несмотря на страшную зиму, были направлены двѣ сотни казаковъ, которые, опрокинувъ шайки, благополучно достигли своего назначенія, затѣмъ представлены съ курьеромъ смѣты военному министру на возведеніе двухъ новыхъ укрѣпленій въ степи: на Акъ-Тюбе и Уилѣ, приступлено къ формированію 4-хъ отрядовъ для высылки раннею весною въ степь какъ для возведенія укрѣпленій, такъ и для разсѣянія шаекъ, и призванъ экстренно на службу одинъ баталіонъ пѣшихъ оренбургскихъ казаковъ. Дѣло въ штабѣ закипѣло съ тою энергію, какой требовали обстоятельства, и я нисколько не сомнѣвался, что собственно съ боевою силою мятежа мы скоро управимся, но что волненіе умомъ населенія пойдетъ непременно въ затыжку.

Наступила масляная, мятежъ все развивался, и Веревкинъ сталъ доносить, что и въ Уральской области онъ не знаетъ, какъ справиться съ киргизами. Доложивъ бумаги Веревкина, я рѣшительно заявилъ генералу Крыжановскому, что ему необходимо лично побывать въ Уральскѣ, расшевелить атамана и своими прямыми приказаніями подвинуть все распоряженія по Уральской области.

Дѣло было устроено тотчасъ же, и въ чистый понедѣльникъ мы мчались въ Уральскъ.

Съ вѣздомъ въ Уральскія земли начались оваціи генераль-губер-

натору. Уральцы до тонкости изучили и знали процедуру встрѣчъ начальства, соображая всегда весьма ловко степень угощенія и восторговъ съ выгодами, которыя можетъ принести имъ чествуемое лицо. Такъ было и теперь: на границѣ встрѣтила насъ особая депутація съ привѣтствіемъ отъ войска, на всѣхъ станціяхъ ждали почетные караулы, вездѣ былъ сервированъ чай, закуска, ужинъ, такъ что помню въ одной станціи въ 5 ч. утра насъ угощали супомъ, бифштексомъ, рыбой и бланманже, и это почти въ глухой степи. Впереди насъ скакали уѣздный начальникъ и чиновникъ особыхъ порученій атамана, а сзади начальникъ кордонной стражи, и мы, несясь съ сумасшедшей быстротой, въ 4 часа послѣ обѣда подѣхали къ Уральску. Здѣсь новыя оваціи: у воротъ полицеймейстеръ съ рапортомъ, у дома почетный караулъ съ музыкой и массы народа безъ шапокъ. Окна затряслись въ домахъ, когда на привѣтствіе Крыжановскаго: «здорово, уральцы» грянуло: «здравія желаемъ, ваше высокопревосходительство».

Насъ сейчасъ же развели по лучшимъ квартирамъ, гдѣ было уже все готово для пріема до самыхъ мелочей. Въ своей квартирѣ я нашелъ пѣхотныхъ и казачьихъ ординарцевъ, готовый чай, а черезъ пять минутъ явился полицеймейстеръ узнать, не угодно ли еще чего и съ просьбою: что бы ни понадобилось, сказать только ординарцу, и все будетъ сейчасъ же подано бесплатно на городской счетъ. Едва я успѣлъ умыться и отдохнуть, какъ пришли звать на чай къ атаману, куда я и отправился.

Атаманъ жилъ въ казенномъ домѣ, имѣя отъ войска всю сервировку и пай въ рыбной ловлѣ.

У атамана я нашелъ сервированный великолѣпнымъ серебромъ чайный столъ и самое радушное гостепріимство со стороны молодой, годившейся ему во внучки, его супруги—моей старой знакомой. Все время пребыванія въ Уральскѣ милая m-me Веревкина хлопотала обо мнѣ, какъ о родномъ, кормила съ своей кухни и простирала свою заботливость до послѣднихъ мелочей. Съ благодарностью вспоминаю объ этой доброй женщинѣ.

Просидѣвъ часа два, я отправился домой спать, дабы собраться съ силами къ слѣдующему дню. Дѣйствительно, силы понадобились. На другой день было торжественное представленіе командующему войсками всѣхъ сословій Уральска, затѣмъ обѣдня и молебень въ соборѣ, молебень въ мечети, визиты, и въ 4 часа торжественный обѣдъ въ войсковомъ собраніи съ рѣчами, шампанскимъ и музыкою. Вечеромъ былъ рауть у Веревкина, тамъ съ часъ мы протолковали о дѣлахъ, и рѣшили дѣйствовать вооруженной рукою противъ мятежниковъ. На слѣдующій день пошелъ осмотръ пожарной и мѣстной командъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеній, экзамены дѣвичьяго училища и пр., нако-

нецъ парадный обѣдъ у атамана съ шампанскимъ, рѣчами и пр., и затѣмъ вновь триумфальное шествіе въ Оренбургъ чрезъ иллюминированныя станціи.

Возвратясь въ Оренбургъ, Крыжановскій силою обстоятельствъ окончательно былъ убѣжденъ въ томъ, что такъ разумно начато было еще Обручевымъ; т. е. въ необходимости возведенія въ степи укрѣпленій, дабы держать ее въ постоянной покорности. Полетѣли настоятельные представленія военному министру о скорѣйшемъ отпускѣ суммъ, а необходимыя для сего смѣты велѣно отправлять въ Петербургъ съ курьерами. Съ однимъ изъ этихъ курьеровъ возвратилась къ намъ и наша добрая Мисевичъ. Надо сказать, что, получивъ отъ варшавской полиціи удостовѣреніе, что она ни въ какихъ политическихъ дѣлахъ не была замѣшана, и паспортъ на свободное проживаниеъ въ Россіи, гдѣ угодно, она сначала переѣхала изъ Варшавы въ Вильну къ сестрѣ моей жены г-жѣ Мозель, а потомъ вмѣстѣ съ нею отправилась и въ Петербургъ.

На Пасху 20-го апрѣля 1869 года я былъ произведенъ въ генералы съ утвержденіемъ въ должности начальника окружнаго штаба.

Несмотря на всевозможныя кляузы контрольной палаты, намъ удалось, наконецъ, добыть деньги, и раннею весною мы двинули въ степь отряды: подполковника барона Штемпеля изъ Уральска для постройки укрѣпленія на р. Уилѣ и флигель-адъютанта полковника графа Борха для постройки укрѣпленія на Акъ-Тюбе; а между ними для дѣйствія въ полѣ отряды полковника графа Комаровскаго и подполковника Веревкина; весь же Орско-Казалинскій трактъ съ особымъ отрядомъ былъ порученъ начальнику артиллеріи округа генералу Кондратеву. Главное дѣло было сдѣлано, оставалось только энергически вести его, и смѣло можно было надѣяться на ограниченіе мятежа; всѣ инструкціи отряднымъ начальникамъ были составлены мною, я же слѣдилъ и подталкивалъ ихъ къ дѣйствіямъ; пріемная моя въ это время незатворялась: все лѣзло ко мнѣ за разными разъясненіями, разрѣшеніями, деньгами и пр. Работалъ я безъ усталы, живо, энергично, не справляясь уже съ приказаніями командующаго войсками, а только дорожа временемъ, и дѣло кипѣло. Отряды дѣйствовали удачно, мятежниковъ погнали къ Усть-Урту, прилинейная степь утихла, но въ такомъ дѣлѣ одною, и при томъ малою, военною силою всего не сдѣлаешь. Новая гражданская администрація не пользовалась довѣріемъ киргизъ, слѣдовало нанести ударъ мятежу въ самое сердце; т. е. на Усть-Уртѣ, гдѣ его поддерживала Хива; но на все это не имѣлось достаточныхъ средствъ подъ рукою: мало было войскъ и способныхъ начальниковъ, а главное: не доставало рѣшимости слишкомъ далеко засылать отряды на безводный Усть-Уртъ.

Высшее правительство сначала смотрѣло на мятежъ, какъ на вздор-

ное дѣло, и, вѣроятно, ожидало мгновеннаго усмиренія киргизъ; но когда прошла половина лѣта, а мятежъ еще не вездѣ былъ подавленъ и непрерывно требовались новые расходы, то къ намъ стали доходить изъ Петербурга слухи, что тамъ недовольны дѣйствіями генераль-губернатора, что онъ ввелъ въ заблужденіе правительство, увѣривъ, что степь съ готовностью приметъ новое положеніе и пр.

Между тѣмъ можно было ожидать, что съ весною потребуются новыя силы и расходы для успокоенія киргизовъ, и что въ Петербургѣ этотъ мятежъ во всякомъ случаѣ оставилъ непріятное впечатлѣніе. Вопросъ о томъ, чтобы подготовить почву для испрошенія новыхъ ассигновокъ, становился такимъ образомъ для генераль-губернатора на первомъ планѣ, и привести его къ благополучному разрѣшенію только и можно было или личнымъ его присутствіемъ въ Петербургѣ или посылкою туда довѣреннаго и знающаго страну человѣка, а какъ бросить взволнованный край было опасно, то Крыжановскій поручилъ мнѣ съѣздить въ Петербургъ и замѣнить его тамъ при различныхъ объясненіяхъ съ представителями власти.

Немедленно была отправлена телеграмма военному министру съ просьбою, за невозможностью генераль-губернатору отлучиться изъ края, испросить высочайшее соизволеніе на пріѣздъ мой въ Петербургъ для объясненія по весьма важнымъ дѣламъ службы, а черезъ два дня послѣдовалъ по телеграфу же и разрѣшительный отвѣтъ.

Порученія, возложенныя на меня генераль-губернаторомъ, были очень разнообразны и довольно серьезнаго характера. Мнѣ поручалось: 1) хлопотать о правѣ производить военные расходы по возведенію новыхъ укрѣпленій въ степи авансами, не обращая вниманія на контроль, которому сообщать отчеты лишь впоследствии, по окончаніи всѣхъ расходовъ; 2) о сохраненіи въ прежнемъ размѣрѣ экстраординарныхъ суммъ, отпускавшихся въ распоряженіе генераль-губернатора; 3) объ увеличеніи штата военной прогимназіи и ассигновкѣ для постройки ея 300.000 руб. сер.; 4) о проведеніи желѣзной дороги въ Оренбургъ и оттуда въ Ташкентъ, а не отъ Каспійскаго моря, какъ это тогда предполагалось; 5) объ отпускѣ добавочныхъ денегъ на окончательное устройство дачи генераль-губернатору; 6) объ ускореніи рѣшенія относительно поземельныхъ споровъ между киргизами и уральскими казаками; 7) о назначеніи начальника артиллеріи въ Оренбургъ и высылкѣ туда боевыхъ ракетъ; 8) объ ассигнованіи 19.000 р. на поѣздку генерала Крыжановскаго въ степь; 9) объ ассигнованіи денегъ на постройку зданія военно-исправительной роты; 10) объ отчисленіи 20.000 руб. изъ суммъ Букеевской орды на содержаніе Оренбургской гражданской гимназіи; 11) объ отдачѣ степныхъ станцій одному почто-содержателю и объ отпускѣ денегъ на постройку станціонныхъ домовъ и проч. и проч.

Передъ отправленіемъ моимъ Крыжановскій созвалъ особый комитетъ, подъ своимъ предсѣдательствомъ, съ участіемъ торгующихъ въ Туркестанѣ оренбургскихъ купцовъ, въ которомъ окончательно было рѣшено ходатайствовать о направленіи желѣзной дороги въ Среднюю Азію черезъ Оренбургъ, на основаніи чего и была составлена подполковникомъ Тилло особая записка, которая по напечатаніи вручена мнѣ для представленія высочайшимъ особамъ и разнымъ высокопоставленнымъ лицамъ.

Получивъ такую бездну порученій, я невольно долженъ былъ посвятить нѣсколько дней для ознакомленія съ ходомъ гражданскихъ дѣлъ и потому усердно занялся чтеніемъ переписки съ Петербургомъ по канцеляріи генераль-губернатора. Къ удивленію моему, во всѣхъ донесеніяхъ и телеграммахъ я вездѣ нашелъ увѣренія, что мятежъ въ степи окончательно подавленъ, что киргизы повсюду изъявили раскаяніе, словомъ, что вопросъ о бунтѣ есть вопросъ уже порѣшенный и сданный въ архивъ. Между тѣмъ, степь была въ это время далеко не усмирена, чему служить доказательствомъ, что четыре года послѣ того, т. е. до самой экспедиціи Кауфмана въ Хиву изъ Оренбурга, постоянно высылались отряды за Эмбу, и ни одно лѣто не прошло безъ грабежа киргизовъ и драки нашей съ ними. Поэтому я предложилъ написать рапортъ военному министру, въ которомъ обозрѣвалось настоящее положеніе дѣлъ въ степи, говорилось о ея видимомъ порядкѣ, но и заявлялось категорически, что за будущее спокойствіе въ степи нельзя поручиться ни въ какомъ случаѣ до тѣхъ поръ, пока прилегающее къ южной границѣ степи Хивинское ханство не будетъ обуздано или не будетъ разрѣшено выставлять на лѣто по этой границѣ особые наблюдательные отряды. Бумага эта была вручена мнѣ для личнаго представленія военному министру.

XXII.

Поѣздка въ Петербургъ въ 1869—70 гг.

20-го декабря 1869 года я пустился въ дорогу; выдержавъ сильный буранъ подъ Бузулукомъ, я перенесъ еще не малую пытку на Мстинской переправѣ. По случаю пожара моста, насъ вывели изъ вагоновъ передъ рѣкою Мстою, усадили на крестьянскія подводы и такимъ образомъ въ самую мерзѣйшую петербургскую оттепель перетаскивали на другую сторону рѣки. Какъ теперь помню одну даму съ двумя крошками-дѣтьми, изъ которыхъ одинъ грудной. Какихъ трудовъ ей стоило

перетащиться съ ними черезъ страшнѣйшій оврагъ. Бѣдная женщина ѣхала изъ Иркутска хлопотать о переводѣ мужа и была уже въ дорогѣ пятый мѣсяць.

31-го декабря я былъ въ Петербургѣ и встрѣтилъ самый радушный приемъ со стороны сестры моей жены, madame Мозель, въ квартирѣ которой на Васильевскомъ островѣ я и остановился.

На другой день новаго года, я отправился въ Главный штабъ, и первое попавшееся мнѣ лицо былъ генералъ Мещеряновъ. Принявъ меня съ важностью, онъ сказалъ:

— Мы предлагали командующему войсками Одесскаго округа взять васъ въ начальники штаба, но генералъ Коцебу не изъявилъ согласія. Что дѣлается у васъ въ степи? А мы здѣсь въ домашнемъ комитетѣ рѣшили взять Александровскій фортъ и восточный берегъ Каспійскаго моря изъ вѣдѣнія Оренбургскаго округа и передать ихъ въ управленіе Кавказскаго намѣстника.

Поговоривъ еще о разныхъ мелочахъ, я отправился къ начальнику Главнаго штаба. Приемъ графа Гейдена былъ самый любезный; этотъ добрый человекъ съ участіемъ освѣдомился о моемъ здоровьѣ, пожалѣлъ, что сейчасъ не можетъ предоставить мнѣ другаго мѣста и, разспросивъ о положеніи степи, приказалъ ѣхать къ военному министру.

При представленіи военному министру, встрѣтившему меня съ извѣстной своей учтивостью, онъ сказалъ мнѣ между прочимъ:

— Вы хотите оставить Оренбургскій край?

— Точно такъ, здоровье мое и жены не позволяетъ мнѣ дольше служить тамъ.

— Жаль, очень жаль.

— Я 13 лѣтъ прослужилъ въ степи, кажется, довольно...

— Вотъ потому-то и желательно, чтобы вы тамъ еще оставались; тамъ необходимы люди опытные, они только и могутъ принести пользу краю. Жаль, очень жаль.

Отпуская меня, военный министръ назначилъ мнѣ особую аудіенцію у себя на квартирѣ для объясненія по оренбургскимъ дѣламъ и приказалъ записку о желѣзныхъ дорогахъ отвезти къ редактору «Инвалида», генералу Менькову, для немедленнаго напечатанія ея, разумѣется, съ нѣкоторыми сокращеніями.

На другой день начались мои мытарства по городу, для объясненія съ начальствующими лицами по порученнымъ мнѣ дѣламъ.

Первый визитъ мой былъ къ генералу Чевкину. Онъ принялъ меня очень любезно, но положительно сказалъ, что никакъ не можетъ сохранить оренбургскому генералъ-губернатору въ прежнемъ размѣрѣ экстраординарныя суммы и что государственная роспись прошла уже Государственный Совѣтъ и окончательно утверждена.

Отъ Чевкина я поѣхалъ къ директору азіатскаго департамента Стремоухову, который тотчасъ началъ развивать свои соображенія насчетъ устройства средне-азиатскихъ дѣлъ. Черезъ двѣ недѣли въ особомъ комитетѣ, собранномъ подъ предсѣдательствомъ великаго князя Константина Николаевича, Александровскій фортъ, какъ увидимъ, былъ отданъ намѣстнику Кавказа.

Отъ Стремоухова я отправился къ министру финансовъ. Принятый немедленно, я представилъ Рейтерну записку Крыжановскаго о желѣзной дорогѣ и изложилъ всѣ его ходатайства по денежнымъ дѣламъ. Министръ дѣлалъ по временамъ возраженія, обличавшія въ немъ знакомство съ общимъ ходомъ дѣлъ даже въ нашей далекой окраинѣ. Наконецъ, выслушавъ всѣ мои просьбы и доводы, онъ отвѣчалъ:

— Много изъ того, что вы сказали, полезно было бы сдѣлать, но у насъ есть нужды гораздо важнѣе вашихъ и какъ свободныхъ финансовыхъ средствъ нѣтъ, то передайте генералу Крыжановскому, что при всемъ желаніи я не могу исполнить его просьбъ.

На другой день новыя мытарства, ѣду къ министру внутреннихъ дѣлъ Тимашеву, жду два часа въ пріемной, наконецъ, министръ выходитъ. Передаю ему ходатайства генераль-губернатора и получаю отвѣты: «не помню, справьтесь въ департаментѣ, не знаю, на чемъ остановилось дѣло» и т. д.

Спустя нѣсколько дней собрался, наконецъ, комитетъ подъ предсѣдательствомъ графа Гейдена, для рѣшенія вопроса объ Александровскомъ фортѣ. Въ числѣ приглашенныхъ лицъ находились также директоръ департамента общихъ дѣлъ министерства путей сообщения, генераль Гейнсъ, и начальникъ штаба Кавказскаго округа, генераль Свистуновъ.

По открытіи засѣданія генераль Гейнсъ, владѣющій хорошимъ даромъ слова, набросалъ передъ нами идиллическую картинку жизни кочевника, но не сказалъ ни слова объ Александровскомъ фортѣ. Съ первыхъ же словъ графа Гейдена было ясно, что вопросъ о присоединеніи форта къ Кавказу былъ уже вопросъ рѣшенный, и если насъ собрали потолковать объ этомъ предметѣ, какъ специалистовъ, то развѣ изъ одной служебной вѣжливости. При такой обстановкѣ разсуждать много было нечего, особенно, когда Свистуновъ заявилъ, что на присоединеніе форта къ Кавказу намѣстникъ изъявляетъ свое согласіе.

Видя, что дѣла не поправишь, я рѣшился предложить по крайней мѣрѣ, чтобы Кавказъ, присоединяя къ себѣ фортъ, принялъ на себя и обязанность оберегать южную границу Оренбургской степи отъ туркменъ и хивинцевъ, при чемъ сдѣлалъ бѣглый топографическій очеркъ Усть-Урта и сѣверной части Хивинскаго ханства. Сидѣвшій рядомъ со мною Мещериновъ сказалъ:

— Что вы разсуждаете о Хивѣ и объ Усть-Уртѣ?—развѣ вы тамъ были?

— Значитъ, былъ, если говорю.

— Когда же?

— Тогда-то.

— А я этого не зналъ.

— Напрасно вы не спросили, прежде, чѣмъ возражать.

— Да я этого не зналъ.

Черезъ недѣлю былъ присланъ мнѣ журналъ, но я, не имѣя на передачу форта полномочій отъ Крыжановскаго, не согласился его подписать и подалъ особое мнѣніе.

Въ половинѣ января меня принялъ и военный министръ. Доложивъ подробно о дѣлахъ Оренбургскаго края, я только по нѣкоторымъ вопросамъ получилъ разрѣшеніе, остальные же или были отвергнуты или требовали предварительнаго разсмотрѣнія въ главныхъ управленіяхъ. Министръ былъ очень внимателенъ, возставалъ противъ стѣсненій, дѣлаемыхъ контролемъ, и просилъ, чтобы я доставилъ лично ему въ частномъ письмѣ свѣдѣнія о тѣхъ придиракахъ Оренбургской контрольной палаты, которыя не оправдывались никакимъ закономъ.

Въ заключеніе я коснулся своей дальнѣйшей службы, при чемъ министръ пожалѣлъ опять, что я оставляю Оренбургскій край, спросилъ, какое мѣсто я желалъ бы занять.

— Я былъ бы весьма благодаренъ, если бы мнѣ дали то же мѣсто, т. е. начальника штаба, но только внутри Россіи, а если этого нельзя, то хоть атамана какого-нибудь казачьяго войска.

— Мѣсть начальника штаба теперь нѣтъ свободныхъ, и при томъ вамъ слѣдуетъ дать что-нибудь высшее, впрочемъ, по этому дѣлу вы поговорите подробнѣе съ графомъ Гейденомъ, а онъ передастъ послѣ мнѣ.

Когда же министръ услышалъ, что я черезъ двѣ недѣли ѣду опять въ Оренбургъ, то очень удивился и спросилъ:

— Развѣ вы не совсѣмъ еще пріѣхали, и семейство ваше въ Оренбургѣ? Я думалъ, что вы туда уже не вернетесь.

Вообще, разговоромъ съ министромъ я остался весьма доволенъ—онъ былъ постоянно любезенъ.

Съ непрерывными разъѣздами по официальнымъ дѣламъ я не могъ повидать и половины своихъ знакомыхъ и долженъ былъ отказываться почти отъ всѣхъ приглашеній. Мнѣ удалось только завернуть къ старымъ своимъ коллегамъ по академіи Клугину и Аничкову, изъ которыхъ послѣдній страдалъ уже болѣзнию, доведшею его впослѣдствіи до сумасшествія.

Кромѣ этихъ посѣщеній я провелъ одинъ вечеръ у стараго своего

товарища, полковника Лаврентьева¹⁾ и заѣхалъ къ бывшему своему начальнику генералу Данзасу. У Лаврентьева я нашелъ человекъ 10 офицеровъ генеральнаго штаба, съ которыми и проболталъ часа два; тамъ же я встрѣтилъ старую свою оренбургскую знакомую, дочь А. П. Бе-зака—княгиню Трубецкую. Княгиня была по-прежнему мила и любезна.

Приѣхавъ къ Данзасу, я не узналъ его: такъ онъ постарѣлъ физически и нравственно. Изящный пажъ двора императрицы Маріи Ѳеодоровны, бравый полковой командиръ Екатеринославскаго полка, энергичный начальникъ штаба Оренбургскаго корпуса, человекъ, соединявшій съ замѣчательною наружностью огромную начитанность и блестящее остроуміе,—выглядѣлъ теперь совершеннымъ старцемъ.

23-го января я выѣхалъ въ Варшаву. Во всю поѣздку и во время пребыванія въ Варшавѣ стоялъ страшнѣйшій холодъ, не менѣе 23°. Вагоны 2-го класса, въ которомъ я ѣхалъ, тогда не топились, поѣздъ вслѣдствіе мороза непрерывно задерживался, и я едва, едва не замерзъ. По приѣздѣ въ Варшаву, остановясь въ «Европейской гостиницѣ», я тотчасъ же поѣхалъ къ роднымъ нашей доброй воспитательницы дѣтей г. Мисевичъ, гдѣ и встрѣтилъ самый радушный привѣтъ. Недѣлю я прожилъ въ Варшавѣ, и эти бѣдные люди не знали, гдѣ меня усадить и чѣмъ угостить.

На другой день я поѣхалъ къ начальнику штаба округа Минквицу и отъ него къ графу Бергу. Фельдмаршалъ встрѣтилъ меня чрезвычайно ласково, долго толковалъ со мною и, узнавъ, что я началъ службу въ генеральномъ штабѣ подъ его начальствомъ и что онъ же отправилъ меня въ первый разъ въ бой въ 1853 г., сказалъ, что ему очень пріятно видѣть своего ученика въ такомъ чинѣ и занимающимъ такое высокое мѣсто. Затѣмъ фельдмаршалъ пригласилъ меня ѣхать въ соборъ на молебствіе по случаю какого-то праздника. Слѣдующіе три дня я посвятилъ подробному осмотру юнкерскаго училища, не оставивъ ни одного предмета безъ вниманія. Постановку занятій училища я нашелъ въ удовлетворительномъ состояніи, но ничего новаго не узналъ, и въ хозяйственномъ отношеніи оно было далеко ниже нашего, только лишь открывавшагося Оренбургскаго училища.

На другой день добрая г. Мисевичъ со слезами проводила меня на вокзалъ желѣзной дороги, а черезъ сутки съ небольшимъ я вновь былъ въ Петербургѣ. Здѣсь madame Мозель встрѣтила меня ужасной новостью: телеграммой изъ Оренбурга извѣщали, что жена моя больна при смерти. Это извѣстіе послужило причиною, что я рѣшился въ два, три дня за-

¹⁾ Тогда помощника редактора „Русскаго Инвалида“ и „Военнаго Сборника“.

РУССКАЯ СТАРИНА

ЕЖЕМЪСЯЧНОЕ

ИСТОРИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

основанное 1-го января 1870 г.

1903.

ОКТАБРЬ.—НОЯБРЬ.—ДЕКАБРЬ.

ТРИДЦАТЬ ЧЕТВЕРТЫЙ ГОДЪ ИЗДАНИЯ.

ТОМЪ СТО ШЕСТНАДЦАТЫЙ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія Товарищества „Общественная Польза“, В. Подъяч., № 39.

1903.

кончить свои дѣла и, не дожидаясь разъясненій нѣкоторыхъ вопросовъ, тотчасъ же выѣхать къ Оренбургу. Съ этою цѣлью я на другой же день испросилъ прощальную аудіенцію у военнаго министра, отдалъ ему отчетъ о поѣздкѣ въ Варшаву, повторилъ просьбу о переводѣ и былъ отпущенъ такъ же любезно, какъ и встрѣченъ. Затѣмъ, переѣхавъ къ Гейдену, я рѣшился окончательно переговорить съ нимъ о дальнѣйшей своей судьбѣ.

— Знаете, что я вамъ посоветую,—начальъ графъ,—вы теперь отчисляетесь отъ вашей должности, мы сохранимъ вамъ содержаніе, а тамъ посмотримъ, какъ васъ устроить.

— Въ скоромъ времени едва-ли я могу получить что-нибудь?

— Отчисляетесь на 11 мѣсяцевъ.

— Но если и по прошествіи этого времени я не получу ничего, а я человѣкъ безъ состоянія и долго жить въ Петербургѣ не могу.

— Нѣтъ, этого быть не можетъ, для васъ всегда найдется мѣсто. Ну, наконецъ, годъ, самое большое полтора, а тамъ мы васъ непременно устроимъ.

— Захочетъ ли военный министръ дать мнѣ мѣсто?

— Помилуйте, вы у насъ на отличнѣйшемъ счету, военный министръ прекрасно о васъ отзывался, наконецъ, намъ нужны такіе боевые офицеры, какъ вы. Мы васъ сдѣлаемъ начальникомъ дивизіи.

— Много есть старше меня генераловъ, я произведенъ по манифесту.

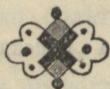
— Это ничего не значитъ. Отчисляетесь и не бойтесь. Вы-то не останетесь безъ мѣста.

Я нарочно привелъ съ буквальною точностью этотъ разговоръ, чтобы показать, что, отчисляясь въ послѣдствіи отъ должности начальника штаба, я дѣйствовалъ, не очертя голову.

Отъ Гейдена я заѣхалъ къ Мещериннову, который подъ страшнымъ секретомъ полупшепотомъ передалъ мнѣ въ кабинетѣ своей квартиры, что мнѣ за усмиреніе киргизскаго возмущенія пожалована Станиславская лента.

Къ вечеру въ тотъ же день я уложился, обнявъ въ послѣдній разъ madame Мозель и помчался въ Москву на почтовомъ поѣздѣ, выходявшемъ тогда по случаю пожара Мстинскаго моста въ 11-ть часовъ вечера.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Записки Н. Г. Залѣсова.

XIX ¹).

Поѣздка Крыжановскаго въ Петербургъ, — Боборыкинъ. — Образование Туркестанскаго генераль-губернаторства (1867 г.). — Кауфманъ. — Работы по Оренбургской желѣзной дорогѣ.

Прѣхавъ въ Петербургъ, Романовскій не преминулъ заявить, что власть изъ Оренбурга стѣсняетъ и парализуетъ всё его дѣйствія на Сырѣ и что за двѣ тысячи верстъ управлять краемъ изъ Оренбурга нельзя, и потому сталъ настаивать на совершенномъ отдѣленіи Ташкента отъ Оренбурга или о сохраненіи къ послѣднему только номинальнаго подчиненія. Въмѣстѣ съ тѣмъ онъ выставилъ на видъ всю цѣлесообразность своихъ мѣропріятій по гражданскому устройству края, доказательствомъ чего служила прѣхавшая съ нимъ мѣстная депутація, которая при представленіи государю заявила, что жители вполне довольны управленіемъ Романовскаго и никого другаго не желаютъ. Надо сказать, что Крыжановскій при всѣхъ своихъ поѣздкахъ въ степь бралъ съ собой за переводчика учителя Неллюевской военной гимназіи Бекчуринъ, его же взялъ съ собой и теперь въ Петербургъ. Бекчуринъ этотъ, будучи знакомъ со всѣми депутаціями, вскорѣ узналъ отъ нихъ (а можетъ и самъ ихъ подучилъ), что они заявили государю о недовольствѣ на Романовскаго, но что слова ихъ передали наоборотъ, о чемъ какъ переводчикъ, такъ и самъ Романовскій знали заранее, ибо послѣднему они и прежде заявляли, что принесутъ государю жалобу на русское управленіе.

¹). См. „Русскую Старину“ августъ 1903 г.

Такого сообщенія было достаточно для Крыжанскаго, успѣвшаго довести о томъ до свѣдѣнiя наслѣдника. Дѣйствительно, вскорѣ депутаты были потребованы къ его высочеству и черезъ переводчика Бекчурина заявили жалобы. Наслѣдникъ доложилъ объ этомъ государю. Романовскiй былъ выставленъ обманщикомъ, и участь его была рѣшена. Была составлена особая комиссiя по новому устройству Туркестанской области и, несмотря на всѣ возраженiя засѣдавшаго въ ней Крыжановскаго, комиссiя признала необходимымъ отдѣлить отъ Оренбурга Ташкентъ и образовать изъ послѣдняго Туркестанское генераль-губернаторство, куда вскорѣ и былъ назначенъ генераль Кауфманъ, незадолго передъ тѣмъ удаленный изъ Вильны.

Съ отдѣленiемъ Туркестана Крыжановскiй согласился въ Петербургѣ на уменьшенiе штата своего окружнаго управленiя, и военное министерство такъ насъ обрѣзало, что лишило возможности правильно работать. По полученiи штатовъ, всѣ мы протестовали, и Крыжановскiй тотчасъ же послалъ въ Петербургъ просьбу объ оставленiи прежняго состава управленiя, но военный министръ отвѣчалъ, что штаты недавно утверждены, а потому измѣнять ихъ непрерывно нельзя.

Во время пребыванiя Крыжановскаго въ Петербургѣ мы мирно работали съ Боборыкинымъ, тѣмъ болѣе, что въ эту же зиму, за уничтоженiемъ въ Оренбургскомъ округѣ особой должности начальника мѣстныхъ войскъ, обязанности этого лица, а равно и инспектора госпиталей были возложены на начальника штаба, т. е. на меня. Такимъ образомъ я сдѣлался командиромъ всѣхъ регулярныхъ войскъ округа и начальникомъ госпиталей, почему нерѣдко писалъ самъ къ себѣ бумаги и самъ же на нихъ отвѣчалъ, разумѣется, по разнымъ управленiямъ, что всегда забавляло моего начальника штаба по мѣстнымъ войскамъ, полковника Петрушевскаго, впоследствии командира 4-го армейскаго корпуса.

Боборыкина я зналъ давно, наравнѣ съ Веревкинымъ (атаманомъ Уральскихъ казаковъ) и Балюзокомъ, управлявшимъ Оренбургскими киргизами, когда они въ молодыхъ еще чинахъ состояли въ штабѣ начальника артиллерiи Дунайской армiи. Боборыкинъ былъ человекъ хорошiй, очень не глупый. Впоследствии онъ былъ съ графомъ Игнатьевымъ въ Китаѣ, состоялъ, кажется, консуломъ въ Ургѣ и, женившись на Кашкиной, искалъ скромнаго мѣста въ Россiи, когда судьба сразу вывела его послѣ 3-хъ лѣтъ службы въ полковничьемъ чинѣ въ званiе атамана Оренбургскихъ казаковъ, губернатора и въ чинъ генерала.

Между прочими дѣлами мы съ Боборыкинымъ усердно занимались снаряженiемъ войскъ и укомплектованiй, слѣдовавшихъ въ этотъ годъ въ Туркестанъ въ значительномъ числѣ. Осмотрѣвъ прибывшiя изъ Россiи команды, я доложилъ Боборыкину, что при стоящихъ холодахъ и при неимѣнiи въ степяхъ жилья необходимо снабдить всѣхъ хъ людей

полушубками и дать имъ юламейки и кошму на подстилку по примѣру прежнихъ лѣтъ. Боборыкинъ согласился. Сдѣлали представленіе военному министру, но отвѣта не было, а между тѣмъ подходило время отправлять людей, заключены были контракты съ возчиками, назначены числа для отправки транспортовъ, и измѣнить всю эту процедуру не представлялось возможнымъ иначе, какъ заплативъ контрагентамъ большую неустойку. Тогда я просилъ Боборыкина требовать разрѣшенія по телеграфу—послали двѣ телеграммы, но отвѣта также не было. Началась распутица, проволоки на Волгѣ порвались, почтовое сообщеніе прекратилось. Тутъ уже я подалъ письменный докладъ и требовалъ личного разрѣшенія Боборыкина на расходы изъ мѣстныхъ суммъ. Боборыкинъ позвалъ меня къ себѣ и выразилъ опасеніе подвергнуться отвѣтственности за такое распоряженіе.

— Ручаюсь вамъ,—отвѣчала я ему,—что мы поступаемъ хотя и не по закону, но совершенно резонно. Людей нельзя морозить и заставлять ихъ болѣть; наконецъ, мы теперь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, и вы, какъ главный начальникъ, имѣете право принять экстренныя мѣры.

Боборыкинъ взялъ перо и написалъ на докладѣ: «разрѣшаю», сказавъ:

— Ну, Николай Гавриловичъ, я этого дѣла не знаю и полагаюсь вполне на вашу опытность, не введите меня въ отвѣтъ.

Въ тотъ же день онъ донесъ о своемъ разрѣшеніи по телеграфу, а я сдѣлалъ всѣ распоряженія по удовлетворенію войскъ теплыми вещами. Черезъ два дня были получены двѣ телеграммы отъ начальника Главнаго штаба съ увѣдомленіемъ, что отвѣтъ по нашему представленію посланъ такого-то числа по почтѣ; наконецъ, пришла и самая бумага, гдѣ говорилось, что военный министръ не нашелъ возможнымъ удовлетворить наше ходатайство. Бѣдный Боборыкинъ испугался, но былъ настолько вѣжливъ, что ни словомъ не упрекнулъ меня; я же съ своей стороны взялся составить новый докладъ по этому дѣлу и испросилъ разрѣшеніе послать его къ военному министру и Крыжановскому. Черезъ недѣлю докладъ былъ готовъ, мое знаніе степи дало мнѣ средства написать его съ неотразимой логикой, и Боборыкинъ нѣсколько успокоился. Прошло недѣли двѣ, и мы получили новую бумагу изъ министерства, гдѣ говорилось, что послѣдняя телеграмма Боборыкина была внесена въ Военный Совѣтъ, но что онъ, не найдя возможнымъ утвердить сдѣланный Боборыкинымъ расходъ, положилъ взыскать съ него 50.000 р. съ чѣмъ-то. Боборыкинъ струхнулъ не на шутку, а возвратившійся въ это время Крыжановскій еще болѣе напугалъ его, сказавъ, что съ своей стороны ничего не могъ сдѣлать въ Петербургѣ. Прошли еще три мучительныя недѣли, когда получена была новая бумага, въ которой значилось, что Военный Совѣтъ, разсмотрѣвъ нашъ докладъ, призналъ его уважитель-

нымъ и въ видѣ исключенія разрѣшилъ расходъ въ 50.000 принять на счетъ казны.

Въ половинѣ лѣта прїѣхалъ въ Оренбургъ генераль Кауфманъ и началъ прїемъ Туркестанской области. Пробывъ съ недѣлю въ Оренбургѣ, онъ отправился черезъ Омскъ въ Ташкентъ.

Возвратясь изъ Петербурга, Крыжановскій сильно сталъ хлопотать о проведеніи желѣзной дороги изъ Оренбурга въ Самару. Но трудно было хлопотать, когда не было сдѣлано никакихъ изысканій, а когда, наконецъ, дали на это земскія деньги, то явился вопросъ: кѣмъ и по какому именно направленію производить съемки и нивеллировку да притомъ въ кратчайшій срокъ, такъ какъ генераль-губернаторъ по какимъ-то причинамъ желалъ во что бы то ни стало доставить всѣ эти работы въ Петербургъ до Рождества.

Между тѣмъ наступилъ сентябрь мѣсяць, и начались холода, когда собрали огромный комитетъ изъ представителей всѣхъ вѣдомствъ, чтобы рѣшить вопросъ о направленіи и изысканіяхъ пути. Крыжановскій, обративъ вниманіе на всю важность желѣзной дороги для края и необходимость теперь же воспользоваться расположеніемъ правительства къ этого рода постройкамъ, объявилъ, что деньги на изысканія есть, слѣдуетъ произвести ихъ скоро до наступленія зимы, но кѣмъ и какъ? Специалистовъ въ Оренбургѣ нѣтъ, особыхъ рабочихъ силъ тоже. Члены комитета молчали. Тогда Крыжановскій или правитель его канцеляріи Холодковскій, не помню хорошенько, сказалъ:

— Единственный человѣкъ, который можетъ намъ помочь—это Николай Гавриловичъ, если онъ согласится взять на себя это дѣло, то оно будетъ произведено и скоро и хорошо; надо, господа, намъ его просить.

Вся чиновная публика и купечество тотчасъ же обратились ко мнѣ съ просьбами. Сочувствуя вполне проведенію дороги, я предложилъ изъ состоявшихъ въ моемъ непосредственномъ распоряженіи топографовъ и офицеровъ немедленно выслать на работы 4-хъ нивеллировочныхъ и 6 съемочныхъ партій подъ начальствомъ четырехъ офицеровъ генеральнаго штаба, а чтобы дѣло шло успешнѣе, дать имъ для работъ людей смѣтливыхъ и развитыхъ, для чего и распредѣлить по партіямъ состоявшую въ вѣдѣніи моемъ дисциплинарную команду, образованную изъ ссыльныхъ поляковъ. Деньги расходовать не мнѣ, а канцеляріи генераль-губернатора, согласно той смѣтѣ, которая будетъ представлена мною на утвержденіе командующему войсками; наблюденіе же за работами и за правильною отчетностью я принимаю на себя безвозмездно.

Поднялся гвалтъ, всѣ бросились меня обнимать и благодарить.

Чтобы понять такую благодарность, надо знать, что чины корпуса топографовъ и генеральнаго штаба имѣли тогда въ Оренбургскомъ краѣ свое спеціальное назначеніе и командировать ихъ на работы посторон-

нія допускалось лишь тогда, когда это признавало возможнымъ ихъ непосредственное начальство, а какъ въ Оренбургскомъ штабѣ постоянно производились огромныя срочныя картографическія и статистическія работы, то посылка помянутыхъ чиновъ исключительно зависѣла отъ меня, да кромѣ того и инструментовъ нигдѣ нельзя было достать, какъ только въ штабѣ. Конечно, командующій войсками могъ мнѣ дать предписаніе и я обязанъ былъ бы его исполнить, но въ такомъ случаѣ онъ рисковалъ, что въ штабѣ прекратятся всѣ военно-топографическія работы, вся отвѣтственность за ихъ неисполненіе падетъ на него и работы своевременно не будутъ представлены на высочайшій смотръ.

По обыкновенію я живо приступилъ къ дѣлу; черезъ три дня чины дисциплинарной команды и топографы были одѣты въ отличные полушубки, снабжены хорошими кормовыми деньгами, а офицеры пособіями и порціонами, и всѣ были готовы къ выѣзду. Каждой партіи я назначилъ часъ для отправленія и, чтобы слѣдить за точностью исполненія, вышелъ самъ на главную улицу города, по которой должны были слѣдовать командированные чины. Тройка за тройкой проносилась мимо меня, всѣ ѣхавшіе выглядывали бодро и весело. Высыпавшіе изъ лавокъ смотрѣть на эти поѣзды купцы отъ удивленія только хлопали руками, заявляя мнѣ свое удовольствіе, что все это дѣло такъ скоро и хорошо исполнилось. Черезъ полтора мѣсяца изысканія были окончены, съемки вычерчены, статистическія данныя собраны и вся работа отправлена Крыжановскимъ въ Петербургъ съ подполковникомъ путей сообщенія Сергѣевымъ. Дисциплинарные чины заработали большія деньги, вели себя прекрасно, бѣжавшихъ не было ни одного; офицеры мои и топографы, получивъ хорошія подъемныя и порціонныя деньги, были очень довольны и усиленными занятіями въ штабѣ вполнѣ наверстали пропущенное ими время. Впослѣдствіи наши работы послужили главнымъ основаніемъ всѣхъ правительственныхъ изысканій по Оренбургской желѣзной дорогѣ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ я былъ, наконецъ, назначенъ высочайшимъ приказомъ исправлять должность начальника штаба, и затѣмъ опять пошла моя жизнь тихо, мирно.

XX.

Поѣздка Крыжановскаго въ Петербургъ въ 1868 году и возвращеніе въ Оренбургъ.—Балюзедь.—Веревкинъ.—Поѣздка моя въ Петербургъ.—Введеніе новаго положенія у киргизовъ.

Бывая въ продолженіе 3-хъ лѣтъ постоянно на вечерахъ и обѣдахъ у Крыжановскихъ и ихъ приближенныхъ, мы съ женой рѣшили отпла-

тить имъ хоть разъ хлѣбомъ-солью и съ этою цѣлью пригласили всю высокую администрацію Оренбурга къ себѣ на обѣдъ; я пригласилъ также и всѣхъ офицеровъ генеральнаго штаба. Обѣдъ вышелъ по-провинціальному парадный, гремѣла музыка. Крыжановскій пріѣхалъ въ мундирѣ генеральнаго штаба и въ концѣ обѣда провозгласилъ тостъ за генеральный штабъ и меня, какъ его представителя, я отвѣтилъ тостомъ за его здоровье и благодарилъ за постоянное его расположеніе къ моимъ офицерамъ. Крыжановскій едва говорилъ, казался совершенно больнымъ, и жена его сказала мнѣ: «вы видите, какъ Николай боленъ, онъ никуда не выходитъ, но къ вамъ во что бы то ни стало захотѣлъ ѣхать».

Къ веснѣ Крыжановскіе уѣхали въ Петербургъ, а оттуда не на долго за границу, къ умиравшей дочери Тилло. Схоронивъ эту милую, симпатичную особу, самъ Крыжановскій долженъ былъ вернуться въ Оренбургъ, чтобы встрѣтить здѣсь путешествовавшего тогда по Россіи великаго князя Владиміра Александровича.

Во время отлучки Крыжановскаго, мнѣ привелось работать съ тургайскимъ губернаторомъ Балюзekomъ. Это былъ добрый, милый человѣкъ, большой музыкантъ, но не знавшій вовсе дѣла. Онъ безусловно соглашался со всѣми моими распоряженіями.

За нѣсколько дней до пріѣзда великаго князя возвратился Крыжановскій, и начались приготовленія къ приему. Великій князь пробылъ въ Оренбургѣ три дня, и Крыжановскій, проводивъ его, сдалъ должность уже не Балюзeku, а уральскому атаману Веревкину, и черезъ Уфу поѣхалъ въ Петербургъ, а оттуда за границу.

Вскорѣ послѣ отъѣзда Крыжановскаго, мы должны были проститься съ нашей доброй г-жей Мисевичъ. Пользуясь амнистіей, подписанной въ минувшемъ году государемъ въ Вержболово, мать ея собралась переселиться въ Варшаву и взяла своихъ дочерей отъ насъ и Зенгбуша. За два года г-жа Мисевичъ привязалась къ намъ, какъ родная; утихъ въ ней польскій напускной энтузіазмъ, взглянула она на дѣло своихъ земляковъ болѣе здраво и серьезно, и сама созналась, что она, какъ 16-ти лѣтняя дѣвочка, подстрекаемая своей фанатичной матерью, дѣлала въ Вильнѣ иногда глупости, состоявшія въ томъ, что во время манифестацій пѣла вмѣстѣ съ другими непозволительные гимны, къ чему впрочемъ ее побуждали и всѣ родные и знакомые. Мы въ свою очередь тоже привыкли къ добродушному, вѣчно ласковому обхожденію г-жи Мисевичъ, а дѣти теряли въ ней не столько наставницу, сколько друга или самую близкую родственницу, такъ она умѣла привязать ихъ къ себѣ; поэтому понятно, какъ тяжело было намъ разставаться. Въ день отъѣзда я пріѣхалъ со всей семьей съ дачи, и затѣмъ мы съ женой проводили г-жу Мисевичъ, версты за двѣ за городъ, гдѣ она пересѣла изъ нашего

экипажа въ кибитку своей матери и, не помня себя отъ горя, отправилась въ сопровожденіи солдата въ Бузулукъ.

Прошло недѣли двѣ, и я рѣшился поѣхать осмотрѣть войска и учрежденія въ округѣ, подчиненныя мнѣ по всеѣмъ тремъ моимъ должностямъ: начальника штаба, начальника мѣстныхъ войскъ и инспектора госпиталей. Осмотрѣвъ подробно баталіоны, расположенныя въ Уфѣ, и найдя ихъ въ отличномъ порядкѣ, особенно губернской, которымъ командовалъ мой бывший ротный командиръ, подполковникъ Темниковъ, я черезъ Стерлитамакъ проѣхалъ въ Орскъ и тѣмъ закончилъ свою инспекцію на этотъ годъ. Въ Оренбургѣ бѣдный Веревкинъ умиралъ съ тоски, не зная, что дѣлать отъ скуки, когда получилась телеграмма отъ Крыжановскаго, который требовалъ, чтобы ему выслали въ Петербургъ кого-либо изъ знающихъ край людей для завѣдыванія его канцеляріей. Веревкинъ остановился на Холодковскомъ и мнѣ, и дня черезъ два мы отправились въ Петербургъ, взявъ съ собой нашихъ женъ.

Въ концѣ сентября я дотащился до Питера и остановился, какъ всегда, въ «Hôtel de France», какъ разъ напротивъ Крыжановскаго, жившаго въ «Hôtel de la paix». Дѣла было немного, и мы могли считать свою поѣздку прогулкой.

Пробывъ недѣли двѣ въ Петербургѣ и почти не имѣя дѣла, мы съ женой рѣшили съѣздить въ Вильну къ сестрѣ ея m-me Мозель. Пробывъ тамъ дня два, мы прокатились и въ Варшаву, чтобы взглянуть на нашу бѣдную г-жу Мисевичъ, только лишь оправившуюся отъ тяжелой болѣзни. Какъ то, такъ и другое свиданіе было самое радостное; мы пробыли двое сутокъ въ Варшавѣ, уговорили г-жу Мисевичъ хлопотать о паспортѣ для возвращенія къ намъ, въ Оренбургъ, и вернулись черезъ Вильну же въ Петербургъ. Здѣсь дѣлать было нечего, и мы въ одинъ день съ Крыжановскимъ поѣхали восвояси съ тою разницею, что онъ предварительно хотѣлъ заѣхать къ дядѣ своему Безаку въ Кіевъ и къ матери въ Николаевъ. Проѣзжая черезъ Нижній, я встрѣтилъ тамъ на станціи старую свою знакомую, жену доктора Станиславскаго, бойкую барыню, свединую когда-то съ ума весь Оренбургъ. Съ ней ѣхала какая-то барышня. Разговорясь съ Станиславской, я узналъ, что барышня эта ѣдетъ въ гувернантки къ уфимскому воинскому начальнику Стебуту, но не знаетъ, какъ ей добраться отъ Казани до Уфы. Не имѣя возможности по дороговизнѣ цѣны отыскать себѣ гувернантку въ Петербургѣ, мы съ женой рѣшили предложить этой барышнѣ мѣсто у себя съ тѣмъ, что все расходы, сдѣланные Стебутомъ, будутъ нами уплачены. У барышни оказалась въ Оренбургѣ близкая родственница, и она охотно согласилась промѣнить уфимское мѣсто на наше. Была вторая половина октября, но, несмотря на бурю и темноту ночей, капитанъ волжскаго парохода, на которомъ мы плыли, такъ промчалъ насъ по Волгѣ,